

Н. Н. БРЕШКО-
БРЕШКОВСКИЙ.

Борьба Титановъ

РОМАНЪ

ИЗДАНИЕ М. ДИДКОВСКАГО
РИГА 1933

**Всѣ права сохранены за авторомъ.
Alle Rechte vorbehalten.
Copyright by the author.**

Новый поединокъ.

Голубоглазый брюнетъ слышалъ все отъ слова до слова...

Секретное засѣданіе происходило внизу въ первомъ этажѣ, а Кованда находился въ третьемъ, не проронивъ ни звука изо всего, что говорилось. Онъ совсѣмъ не обладалъ сверхъ-естественнымъ слухомъ и не былъ волшебникомъ. Нѣтъ, самымъ прозаическимъ образомъ, лежа съ сигарой въ зубахъ на постели камеристки Пальменчетты, — (онъ такое-же право на это имѣлъ, какъ и на роскошное ложе ея госпожи), — Кованда прослушалъ все засѣданіе.

Еще наканунѣ, онъ провелъ тонко воспринимающій микрофонъ изъ гостиной въ скромную комнату миловидной Пальменчетты. Впиваясь въ каждое слово левантинца, Кованда жевалъ свою сигару, откусывая и выплевывая кусочекъ за кусочкомъ...

Никогда, за всю его жизнь боевого солдата, политическаго авантюриста и развѣдчика, не выпадало ему проникнуть въ болѣе значительную чужую тайну.

Большой заговоръ кончился. Кованда слышалъ, какъ задвигались кресла. Уже иначе звучали отрывочные голоса. Услышалъ женскую рѣчь вернувшейся Маргитъ.

Нетерпѣніе сжигало медленнымъ огнемъ. А Маргитъ, какъ на зло, не торопится выпроводить гостей. И, — это ужъ совсѣмъ не кстати, — Матео-Паша обнаруживалъ замѣтное желаніе оставаться. Маргитъ

подарила его такимъ злымъ, холоднымъ взглядомъ, что онъ схватился за шляпу.

Черезъ нѣсколько минутъ Маргитъ помѣнялась съ нимъ ролью. Теперь она уже умоляла Кованду не уходить.

— Останься, намъ будетъ такъ хорошо! Видишь, что я для тебя сдѣлала? Останься-же! — И она тянулась къ нему раскрытыми губами, общающимъ взглядомъ вакханки, всѣмъ тѣломъ.

— Не могу, ни какъ не могу, моя дорогая! Да и толку тебѣ съ меня никакого сегодня. Я выжатый лимонъ, видишь? — и Кованда обтиралъ платкомъ покрытый холодной испариною лобъ.

— Останься! — упрямо требовала Маргитъ, разомлѣвшаяся отъ его близости.

— Потерпи до завтра! Завтра я у тебя на всю ночь!

— Да? Навѣрное? А если Матео? — спохватилась Маргитъ.

— Завтра Матео будетъ уже далеко въ это время. Ты развѣ не знаешь?

— Да, онъ что-то говорилъ, что уѣзжаетъ на-долго. Да, да!..

— Ну вотъ, цѣлую тебя, моя Маргитъ, цѣлую!

Изъ кабинки ближайшаго кафэ Кованда принялся искать Гальса по телефону. Гальса не оказалось ни въ отелѣ на рю дю Бакъ, ни въ отелѣ на Вамдомской площади, ни во дворцѣ возлѣ Булонскаго лѣса. Въ этотъ вечеръ, наканунѣ отъѣзда Свѣтика въ Віареджіо, Гальсъ былъ съ нею въ театрѣ, а потомъ они ужинали въ московскомъ ресторанѣ.

Только утромъ узналъ Кованда, что Гальсъ провелъ ночь у себя во дворцѣ. Кованда устремился во дворецъ.

— Внизу, въ обширномъ холлѣ такомъ-же малахитовомъ, какъ флорентійская усыпальница медиковъ, столкнулся Кованда съ барономъ Бурзи. Эти два секретаря не выносили другъ друга. Трусливый баронъ скрывалъ свою непріязнь, Кованда-же не да-

валъ себѣ труда таить чувство, которое внушалъ ему Бурзи однимъ видомъ своимъ.

Баронъ ревновалъ Гальса къ Ковандѣ: Гальсъ довѣрялъ Ковандѣ то, чего не довѣрялъ не только Бурзи, а и всѣмъ остальнымъ секретарямъ своимъ. Баронъ сочинялъ про Кованду всякія пакости: онъ, де, старѣющій жиголо, а въ иностранномъ легіонѣ убивалъ и грабилъ арабскихъ шейховъ. Чего только еще не выдумала клеветническая фантазія барона?

— Гдѣ господинъ Гальсъ?

— Кажется здѣсь, — отвѣтилъ Бурзи, играя моноклемъ и вихляя жиденькимъ узкоплечимъ торсомъ.

— Точнѣе, Бурзи, точнѣе, чертъ побери! Никакихъ, кажется! Гдѣ господинъ Гальсъ?

— Пардонъ, я не солдатъ иностраннаго легіона, чтобы въ такомъ стилѣ разговаривали со мной.

— Слишкомъ большая честь для васъ мундиръ иностраннаго легіона, — и, не договоривъ, Кованда обратился къ проходившему лакею:

— Огюсть, гдѣ господинъ Гальсъ?

— Господинъ Гальсъ въ манежѣ...

Нѣсколько лѣтъ назадъ Гальсъ купилъ этотъ особнякъ у разорившагося графа де Кастелясъ. За шесть милліоновъ франковъ Гальсъ получилъ дворецъ, со всѣмъ его убранствомъ, со всѣми картинами и даже съ двумя фигурами въ желѣзныхъ рыцарскихъ доспѣхахъ.

Эти рыцари стояли на стражѣ у широкой лѣстницы, ведущей изъ холла въ первый этажъ.

Графъ де Кастелясъ вывезъ изъ особняка витрину съ треуголкой, орденами, шпагою и маршалскимъ жезломъ своего дѣда, крупнаго военнаго сановника Второй имперіи. Вывезъ еще нѣсколько фамильныхъ портретовъ плюсъ свой собственной кисти Больдини. Знаменитый флорентинецъ написалъ графа въ ту далекую пору, когда самъ Больдини гремѣлъ и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ, а де Кастелясъ былъ кумиромъ женщинъ и законодателемъ мужскихъ модъ.

Портретъ де Кастеляса всегда висѣлъ рядомъ съ портретомъ его предка въ красномъ камзолѣ и въ

синеватомъ пудренемъ парикъ. Разительно было сходство между потомкомъ и предкомъ. Когда графу говорили объ этомъ, старикъ улыбался улыбкою версальскаго петиметра:

— Что-жъ, его величество король Испаніи Альфонсъ XIII — двойникъ Филиппа IX, а, вѣдь, больше трехъ вѣковъ легло между ними.

Второстепенные портреты второстепенныхъ предковъ графъ великодушно предлагалъ, новому владельцу особняка оставить у себя.

Гальсъ поблагодарилъ и отказался.

— Я не изъ тѣхъ нуворишей, которые ищутъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ по антикварнымъ магазинамъ.

— Господинъ Гальсъ, вы сами свой предокъ! — нашелся старосвѣтскій и галантный де Кастелясъ.

Раньше Гальсъ какъ-то не замѣчалъ ни своего одиночества въ этомъ дворцѣ, ни своей затерянности въ немъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ имъ овладѣлъ образъ Свѣтика, и одиночество и затерянность давали себя знать на каждомъ шагу. Это и было одной изъ причинъ его бѣгства въ отель.

Гальсъ утѣшалъ себя: скоро, черезъ какихъ-нибудь три мѣсяца оживетъ дворецъ, украсится присутвіемъ той, которая никогда больше его не покинетъ.

Вчера, или вѣрнѣе уже сегодня, почти на зарѣ, когда Гальсъ послѣ ужина завезъ Свѣтика на авеню Альфонсъ XIII, они простились у подъѣзда, простились на долго. Утромъ черезъ нѣсколько часовъ Свѣтикъ вмѣстѣ съ герцогинею Димонтевердэ умчится на ея автомобилъ по направленію къ Віареджіо.

Дворецъ Гальса всѣмъ темно-сѣрымъ каменнымъ массивомъ своимъ уходилъ въ тѣнистый, съ вѣковыми деревьями, садъ, а въ глубинѣ сада — небольшой легкаго павильоннаго стиля манежъ. Каждое утро Гальсъ посвящалъ 20—30 минутъ верховой ѣздѣ. Ради такихъ короткихъ прогулокъ не стоило выѣзжать въ Булонскій лѣсъ. Да и, кромѣ того, покажись

онъ только въ аллеяхъ, отбою не будетъ и отъ фотографовъ, и отъ журналистовъ, и отъ знакомыхъ.

Кованда быстро шелъ по усыпанной гравіемъ дорожкѣ, подъ густой тѣнью мощно раскинувшихся липъ. Онъ уже отцвѣли, но медвянымъ ароматомъ ихъ насыщенъ былъ утренній солнечный воздухъ.

Въ манежѣ только двое — Гальсъ, вздвигшій короткимъ галопомъ на своей рыжей англійской кобылѣ и берейторъ — русскій генералъ съ типичной кавалерійской внѣшностью. Ловкій, упругій въ движеніяхъ, онъ былъ чрезвычайно моложавъ для своихъ шестидесяти лѣтъ. Вся служба его заключалась въ томъ, чтобы не давать застаиваться рыжей кобылѣ Джильдѣ. За это, вѣрнѣе за то, что генералъ, просидѣвъ девять мѣсяцевъ въ чрезвычайкѣ, отказался быть инспекторомъ красной конницы, онъ получалъ у Гальса двѣ тысячи франковъ въ мѣсяцъ.

Увидѣвъ Кованду и по лицу его угадавъ, что онъ здѣсь не проста, Гальсъ перевелъ Джильду въ шагъ и движеніемъ головы подозвалъ секретаря.

— Дѣло исключительной важности, — тихо сказалъ Кованда, поравнявшись съ всадникомъ.

Гальсъ однимъ прыжкомъ соскочилъ съ сѣдла.

— Генералъ, будьте добры, — поручилъ онъ берейтеру свою лошадь и бросилъ Ковандѣ — пожалуйста за мной!

Они вышли въ садъ.

— Въ чемъ дѣло?

Убѣдившись, что по близости никого нѣтъ, Кованда сказалъ:

— Матео сегодня уѣзжаетъ на Яву.

— Зачѣмъ?

Кованда коротко, — ни единого лишняго слова, — объяснилъ, зачѣмъ.

Гальсъ внимательно слушалъ, похлопывая стѣкомъ по мягкимъ голенищамъ желтыхъ сапогъ своихъ.

— Задумано не плохо. Но только задуманное Матео-Пашою осуществить Гальсъ!

Кованда, самъ человекъ рѣшительный, отдавалъ

должное Гальсу, его желѣзной волю, но и онъ, Кованда, растерялся.

— Какъ?

— Очень просто! Я долженъ опередить Матео и на нѣсколько дней раньше его очутиться на Явѣ. И тогда побѣда за мною! Вице-король Голландской Индіи мой другъ.

— Опередить?

— Да, да. Но конечно не по землѣ и не по водѣ, какъ онъ, а по воздуху. И мы оставимъ въ великолѣпныхъ дуракахъ этого левантинца. Кованда, вы сегодня-же летите въ Германію и заказывайте мнѣ „Цепеллинъ“. Въ сорокъ восемь часовъ онъ долженъ быть готовъ къ отлету на Зондскіе острова. Послѣ завтра я прибуду въ Берлинъ... Поняли?

— Понялъ господинъ Гальсъ.

— Кто, куда, зачѣмъ, все подѣ знакомѣ строжайшей тайны! А вамъ, Кованда, сто-тысячная премія, удвоенное жалованіе и одно-процентное участіе въ нашихъ будущихъ нефтяныхъ станціяхъ.

— О, господинъ Гальсъ!

— Не благодарите! Я долженъ васъ благодарить. А сейчасъ ко мнѣ въ кабинетъ. Я вамъ дамъ послѣднія распоряженія и чековую книжку на „Нѣмецкій банкъ“...

XX.

Пятнадцать писемъ.

Гальсъ до встрѣчи со Свѣтикомъ, вообще, никогда не писалъ любовныхъ писемъ, а въ своемъ громадномъ дѣловомъ кабинетѣ и подавно. Все въ этомъ кабинетѣ осталось, какъ было при графѣ де Кастелясь, — тѣ же картины, та-же мебель, все за исключеніемъ письменнаго стола. Промышленный и финансовый Парижъ зналъ этотъ письменный столъ, сдѣланный по вкусу Гальса.

Чѣмъ больше столъ, тѣмъ безпомощнѣе чувствуетъ себя сидящій за нимъ. Приходится вставать, дабы съ того или иного конца взять то или другое. Маленькій же столъ мало вмѣщаетъ, да и не солидно какъ-то. Гальсъ примирилъ обширную площадь стола съ возможностью, не двигаясь, пользоваться всѣмъ: его столъ имѣлъ форму правильнаго полукруга съ такимъ же правильнымъ полукруглымъ вырѣзомъ. Нѣчто вродѣ очень широкой гигантской подковы. Въ „вырѣзѣ“ помѣщалось кресло. Стоило Гальсу протянуть руку и къ его услугамъ и сложная телефонная сѣть, и письменныя принадлежности, и папки съ дѣлами, и тяжелые тома справочниковъ. По примѣру Гальса нѣкоторые большіе дѣльцы обзавелись такими же столами, частью изъ удобства, частью изъ снобизма.

Отпустивъ Кованду, устремившагося съ чемоданомъ и чековою книжкою прямо на аэродромъ, Гальсъ приказалъ не беспокоить его ни докладами, ни по телефону. Разобщившись часа на три съ внѣшнимъ миромъ, написалъ онъ 15 писемъ, отмѣчая каждое числомъ слѣдующаго дня и ставя нумерацію на конвертахъ: первое, второе, третье и т. д.

Если нѣтъ нужды говорить кому были адресованы эти письма, то необходимо прибавить, что каждое изъ нихъ дышало глубокимъ чувствомъ, поэзіей и мечтами о будущемъ, „ихъ будущемъ“...

Въ первомъ письмѣ Гальсъ сообщалъ Свѣтику: онъ вынужденъ внезапно покинуть Парижъ на двѣ недѣли. Это путешествіе исключаетъ возможность писать съ дороги, но жажда постоянно твердить о своей любви такъ велика, что каждый день она будетъ получать тамъ, у себя въ Віареджіо, его очередное письмо. И пусть она сама каждый день отвѣчаетъ ему, чтобы, вернувшись он засталъ цѣлую груду писемъ. Онъ залпомъ проглотитъ ихъ, не отрываясь. Или, нѣтъ, по ся-же системѣ. Прежде чѣмъ распечатать каждое письмо, онъ будетъ терзать себя сладостной мукою ожиданія...

Пусть она думаетъ о немъ, пусть она помо-

лится иногда за его успѣхъ, общій ихъ успѣхъ, передъ маленькой почернѣвшей иконкою — материнскимъ благословеніемъ, съ которой она никогда не разстается.

Заклеивъ послѣднее письмо, Гальсъ потребовалъ къ себѣ барона.

Бурзи вошелъ не только со вспотѣвшей лысиной, но и со вспотѣвшимъ моноклемъ. Его лихорадило, его трясла ненависть къ Ковандѣ. Онъ угадывалъ что-то большое и необычайное, и въ это большое и необычайное посвященъ одинъ лишь Кованда, а онъ Бурзи ничего не знаетъ и ничего не можетъ сообщить уѣзжающему сегодня вечеромъ Матео-Пашѣ.

Даже Гальсъ въ своемъ всепоглощающемъ эгоизмѣ влюбленнаго, даже онъ замѣтилъ:

— Что съ вами Бурзи? Вы больны?

— Боленъ?! Нѣтъ, хотя немножко, спалъ съ открытымъ окномъ, слегка продуло. Но это пустяки! Что прикажетъ господинъ Гальсъ?

— Я уѣзжаю на двѣ недѣли.

— Куда? — чуть не сорвалось съ болтливаго языка, но Бурзи во время задержался. Гальсъ терпѣть не можетъ подобныхъ вопросовъ. Да и самъ пошелъ навстрѣчу его любопытству:

— Уѣзжаю въ Трамонтанію. Надо серьезно поговорить съ Сальваторомъ объ укрѣпленіи восточной границы. Иначе большевики легко могутъ занять всю Трамонтанію.

— Господинъ Гальсъ прикажетъ готовиться къ отъѣзду?

— Вы останетесь. Вы мнѣ здѣсь нужныѣ.

— Какъ вамъ будетъ угодно.

— Бурзи, эти пятнадцать писемъ, начиная съ завтрашняго дня, въ порядкѣ ихъ нумераціи, вы каждое утро будете отправлять въ Віареджіо княгинѣ Зацѣпиной-Горской. Каждое утро, слышите!

— Положитесь на меня, господинъ Гальсъ, все будетъ исполнено аккуратнѣйшимъ образомъ!

— Очень прошу, не перепутайте порядка.